

ВИКТОР БУРЛАЧУК,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии культуры и массовой коммуникации Института социологии НАН Украины (01021, Киев, ул. Шелковичная, 12)

VICTOR BURLACHUK,

Doctor of Sciences in Sociology, Leading Research Fellow at the Department of Sociology of Culture and Mass Communication, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine (12, Shovkovychna St., Kyiv, 01021)

bourlatchouk@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-6197-0356>

Власть как источник риска¹

Исследование риска мы связываем, как правило, с тем или иным решением, часто с политическим. В данной статье я проанализирую риски, связанные с использованием самого инструмента власти.

Исследование власти как источника риска предполагает определение двух этих основополагающих понятий. Исходя из этого, сначала я попытаюсь выяснить, что следует понимать под властью и в каких отношениях она находится с риском. В качестве основы возьмем концепции власти, разработанные наиболее влиятельными теоретиками конца XX века, Мишелем Фуко и Никласом Луманом, оставившими после себя специальные работы, посвященные отношениям власти.

М. Фуко для анализа власти использует специальный термин *gouvernementalité* (англ. *governmentality*), который можно перевести как «правительственность». Этим термином Фуко обозначил новое направление анализа власти, что послужило образованию нового дисциплинарного поля, обозначенного как *Governmentality Studies* [The Foucault, 1991]. Одна из главных особенностей этого направления заключается в том, что власть уже не мыслится в перспективе государства. Понятие правительственности не следует отождествлять с «правительством» или «государственным управлением».

Отличие от Фуко, основная заслуга Н. Лумана в разработке концепции власти заключается в том, что власть он стал рассматривать как специфическую форму коммуникации. Такое понимание власти может вызвать у читателя внутреннее сопротивление, поскольку с первого взгляда противоречит очевидным фактам. Власть всегда отождествляется с аппаратом принуждения: армией, по-

---

1 Статья подготовлена в рамках выполнения НИР № 0120U101665 «Системные риски нестабильного общества: бедность, социальная напряженность, культурная инволюция».

лицией, тюрьмой, секретными службами и др. А тут речь идет о чем-то почти нематериальном, всего лишь о коммуникации.

Следует отметить, что понимание власти как коммуникации Н. Луман наследует от Т. Парсонса как своего учителя. Однако Луман значительно расширяет и углубляет его концепцию. Исследование власти как коммуникации, с точки зрения Лумана, не означает исследование какой-то отдельной специфической ее стороны. Теория власти как средства коммуникации должна исчерпать всё существо власти и ответить на все вопросы о ее природе. Понимание власти как коммуникации, когда отказываются рассматривать ее субъект-объектную природу, в некотором смысле коррелирует с концепцией власти, разрабатываемой Мишелем Фуко.

Основной пафос, объединяющий обе концепции, направлен против идеологии субъекта, где властвующий субъект является одним из эффективных средств и образов власти. Как для Фуко, так и для Лумана власть имманентна своим собственным проявлениям, она синхронна всяким преобразованиям в макроструктурах общества и находится не вне, а внутри них. Это означает, что вне нее не существует ничего, что могло бы ее определять.

Оба мыслителя исходят из того, что ошибочно описывать власть в терминах присвоения и предполагать, что она может быть присвоена и пребывать во владении того или иного государственного института, или же приписывать ее доминирующему политическому субъекту: классу, партии, группе либо личности. Мыслить власть — значит мыслить ее вне субъект-объектных отношений. Власть нельзя присвоить в том смысле, что присвоение власти есть действие не «субъекта», а самой власти.

Власть нельзя присвоить, потому что она не является чьей-то собственностью, власть всегда есть отношение. Отношения власти — это отношения, в которых одни воздействуют на действия других. Осуществление власти — это особого типа действие, направленное на другие действия. И когда Фуко заявляет, что власть не пирамидальна, но сегментарна и линейна, что она осуществляется посредством смежности, а не через высоту и даль, то здесь можно обнаружить определенную близость его точки зрения к идеям Н. Лумана.

Власть как символически генерализованное средство коммуникации

Свою коммуникативную концепцию власти Луман разворачивает в последовательное систематическое описание. Коммуникативную природу власти он уточняет посредством понятия «символически генерализованное средство коммуникации». Попробуем описать это важное для понимания Лумановой концепции власти понятие. Для этого нужно рассмотреть еще ряд других, связанных с данной концепцией понятий. Например, селективность сообщения. Для Лумана коммуникация реализуется только тогда, когда в ней осознается селективность сообщения. Селективность сообщения означает, что для того, чтобы что-то передать в качестве информации, необходимо выбрать что-то из тех фактов, событий, мнений, идей, которые окружают человека. Коммуникация возникает как результат выбора (селекции), и этот выбор должен быть воспринят другим, на кого данная коммуникация направлена. Выбор, переданный в коммуникации, может быть принят, одобрен («да») или не принят, отвергнут другим

(«нет»). Возможность отклонения выбора постоянно присутствует в коммуникации, что может выступить в качестве основы конфликта, и это позволяет Луману говорить, что все социальные системы потенциально конфликтны.

Выбор между «да» и «нет» не может быть управляем с помощью языкового кода, поскольку язык содержит в себе обе возможности. Пользуясь только знанием языка, мы не можем обосновать свой выбор между «да» и «нет». Поэтому в обществе помимо языка формируются специальные институты, которые обеспечивают возможность селекции в требуемом объеме.

В простых обществах эта функция выполняется посредством общепринятых конструкций реальности, включающих обыденные знания, мифы, предрассудки и пр. Здесь нет необходимости в специализированных средствах, которые бы обуславливали и регулировали мотивацию принятия селективных предложений, и здесь еще достаточно языка с его потенциалом информации, утверждения и отрицания.

Лишь в более развитых обществах формируется потребность в дифференциации языкового кода, когда потенциала языка с его возможностями утверждения и отрицания оказывается недостаточно. Историческим импульсом для появления новых средств коммуникации стало изобретение письменности, которая вывела коммуникативный потенциал за пределы интеракции, когда появилась необходимость для формирования мотивации принятия содержания коммуникации. Я, например, принимаю, а не отклоняю данную информацию, потому что она «истинна» или потому, что она соответствует традиции, или потому, что она соответствует закону. Происходит двойное кодирование языка: первый код — это возможность отвечать «да» или «нет», а второе кодирование происходит в результате действия символически генерализованного средства коммуникации, располагающего кодом «истина–ложь» или «законно–незаконно» и т. п. Иначе говоря, трудно отклонить информацию, если ей приписывается истинность, или отказаться выполнить какое-то действие, если его невыполнение грозит санкциями.

За второе кодирование, по мнению Лумана, ответственно символически генерализованное средство коммуникации, и оно отвечает за успешность этой коммуникации, за то, чтобы мотивировать участника коммуникации к принятию сообщения. Коммуникативные средства предполагают ситуации, в которых существует возможность выбора со стороны каждого из участников и осуществляется связь отбора и мотивации, которая, в свою очередь, осуществляется при помощи символической генерализации.

Что означает «генерализация» в понятии символически генерализованных средств коммуникации? Возьмем ситуацию, когда масс-медиа утверждают, что для того, чтобы не заразиться вирусом Ковид-19, необходимо вакцинироваться. Рассмотрим основные механизмы понимания данного суждения. Прежде всего мы оцениваем данное суждение с точки зрения истины/лжи. Режим генерализации данного суждения возникает в результате отсутствия знания конкретных обстоятельств, которые привели к формированию данного суждения. В силу различных обстоятельств (отсутствие специального образования, невозможность участвовать в лабораторных испытаниях, удаленность во времени и пространстве и т.п.) данное суждение не может основываться на моем личном опыте участия в создании вакцины от гриппа, и мой личный опыт не

может быть основанием для принятия данной информации в качестве истинной. Выходит, что информация о всех обстоятельствах, которые привели к созданию вакцины от гриппа, отсутствует в информационном обмене, она обобщена и генерализирована в одном предложении, отделена от определенного места и времени, от ситуации в которой создавалась, и т.д., и благодаря этому приобретает в масс-медиа внеличный генерализированный характер. Однако мы склонны принимать данную информацию за истинную, поскольку предыдущий опыт нас убеждает, что первые прививки от инфекционных заболеваний появились во времена Пастера, поэтому данное суждение о наличии прививки от гриппа вписывается в границы нашего опыта.

А что означает «символическое» в понятии символически генерализированных средств коммуникации? Восприняв информацию как истинную, мы отправляемся делать прививку, подтверждая тем самым взаимосвязь селекции и мотивации как одну из главных черт символически обобщенных средств коммуникации. Специфика связи между полученной информацией и нашими действиями является символической, поскольку мы действуем не в режиме «потребность — ее удовлетворение», а в режиме некой символической опасности и ее возможного избегания.

Различие между кодом и процессом коммуникации

«Наиболее важное новшество теории средств коммуникации в сравнении со старыми теориями власти состоит в том, что она понимает феномен власти на основе различия между кодом и процессом коммуникации и поэтому не склонна приписывать власть как некое качество или способность никому из партнеров властных отношений» [Луман, 2001: с. 29].

В чем заключается различие между кодом и процессом коммуникации? Возьмем, например, суждение в виде указания «напиши письмо бабушке». Цель коммуникации в данном случае в том, что адресат должен выполнить определенное действие. Однако, он его может и не выполнить. Данное суждение можно отнести к сфере властных коммуникаций, потому что оно содержит импульс приказа. Процесс коммуникации в этом случае состоит в передаче самого сообщения, а то, выполнит или не выполнит адресат действие, зависит от коммуникативного кода, который предполагает, последуют или не последуют соответствующие санкции (альтернативы избегания) за невыполнение названного действия.

Луман любит подчеркнуть, что власть есть управляемая кодом коммуникация, и под кодом он понимает такую структуру, которая для каждого произвольного элемента в пределах своей области релевантности может найти и упорядочить другой дополнительный элемент. Всякая операция совершается путем выбора одной стороны из двух, и в зависимости от степени дифференцированности система может одновременно иметь множество кодов (в политике коды: правый/левый, консервативный/прогрессивный, агрессивный/оборонительный, авторитарный/демократический и др.).

Бинарное кодирование является двусторонней формой, которая делает возможным переход от одной стороны к другой, от одной ценности к противоположной и обратно, и это происходит благодаря тому, что одна форма отличает себя как форма от других форм.

Важной характеристикой власти, в отличие от других средств коммуникации, является то, что ее код требует от партнеров, то есть от обеих сторон коммуникативного отношения, чтобы те редуцировали комплексность действиями, а не переживаниями. Иначе говоря, власть — это особое действие, направленное на другие действия.

«Символические генерализации делают возможным частичный перевод процесса трансляции редуцированной комплексности с уровня эксплицитной коммуникации на уровень комплементарного ожидания, что разгружает тяжеловесный, требующий больших временных затрат и огрубленный посредством языковой экспликации коммуникативный процесс» [Луман, 2001: с. 58]. Оказывается, можно осуществлять перевод коммуникации на уровень ожидания. В целом общественные коммуникации опираются на ожидание ожидания: отправитель не просто добивается от получателя определенного ответа, он ожидает от адресата определенного ответа, который должен поступить в соответствии с полученной информацией.

Что такое уровень эксплицитной коммуникации? Это уровень непосредственной интеракции, когда партнеры коммуникации находятся в ситуации лицом к лицу. Символически генерализированные средства коммуникации дают возможность разгрузить непосредственный процесс коммуникации, и это означает, что появляется возможность выполнить пожелания властителя в ситуации отсутствия непосредственного приказа с его стороны.

Власть без приказа

«Антиципация подчиненного протекает на двух уровнях: он предвосхищает не только реакции властителя на отказ выполнить пожелания властей, то есть альтернативы избегания, но и сами эти желания. Власть имущий даже не нуждается в том, чтобы отдавать подчиненному приказы, так как тот будет выполнять его повеления также и неприказного характера» [Луман, 2001: с. 59]. Возникает вопрос, если власть имущий не нуждается в том, чтобы отдавать подчиненному приказы, то в какой форме здесь осуществляется коммуникация? Здесь как раз и срабатывает механизм ожидания ожидания, о котором уже говорилось выше. Поскольку Луман выделяет два уровня антиципации власти — альтернативы избегания и ее содержания, то в соответствии с этими двумя уровнями здесь задействованы различные механизмы символизации. Код власти должен отличаться от тех символов, которые участвуют в процессе коммуникации. В целом Луманова коммуникативная теория власти лежит в основе его понимания риска.

Правительственность

Понятие «правительственность» Фуко впервые использовал в своем лекционном курсе 1977–1978 года «Безопасность, территория, население». Вводя его в обиход, Фуко хочет дистанцироваться от распространенных в современной политической мысли подходов, предлагающих понимать «власть» через «государство». Поэтому не следует отождествлять это понятие с «правительством» или «государственным» управлением. Если допустить такое отождествление, то тогда становятся непонятными такие выражения Фуко, как «введение правительственности в государство» или «введение правительственности в управление».

Тема правительственности имеет непосредственное отношение к задаче исследовать феномен власти с точки зрения риска, поскольку эта тема стала поводом для спора, когда некоторые исследователи увидели в ней стремление легитимировать идею «общества риска».

Под правительственностью Фуко понимает определенную модель управления, которая меняется от эпохи к эпохе и включает в себя различные практики управления, посредством которых люди или группы людей пытаются руководить поведением друг друга. Эти практики находят свое воплощение в научной, управленческой, моралистической, педагогической литературе, и поэтому нельзя полагать, что субъектом правительственности может быть правительство или государство.

Согласно Фуко, исторически понятие правительственности формируется примерно в XVI веке, и это объясняется тем, что в Европе появляется большое количество текстов об управлении. Несмотря на многообразие, все эти тексты объединяло неприятие книги Макиавелли «Государь». Почему категорически отвергается эта работа? Прежде всего это связано с определенным положением государя в системе отношений власти.

Государь имеет внешнее и трансцендентное отношение по отношению к своему княжеству. Для него княжество выступает в виде собственности, которую можно получить по наследству, завоевать или потерять. Поэтому все рекомендации Макиавелли направлены на то, чтобы князь смог защитить, а в лучшем случае, увеличить, расширить свою собственность. По мысли Фуко, трактат Макиавелли представляет собой рассуждения о сноровке князя, направленной на сохранение княжества. Именно поэтому данный трактат об умелости и сноровке «антимакиавеллиевская литература желала заменить чем-то другим ... искусством управлять: уметь сохранить собственное княжество вовсе не значит уметь управлять» [Фуко, 2006: с. 188].

Следует отметить, что понятие управления пришло в политический дискурс из других сфер социальной жизни, а именно: из педагогики, домохозяйства, пасторской деятельности, семьи, когда практиками управления занимаются многие люди: отец семейства, настоятель монастыря, педагог, учитель и др. «Таким образом, наличествует сразу и множество форм правления, присущих государству, и имманентность практик управления по отношению к государству; множество и имманентность соответствующих форм деятельности, радикально противопоставленных трансцендентной единичности государя Макиавелли». [Фуко, 2006: с. 189].

Появление правительственности как формы управления выражает новые формы мышления о власти и ее осуществлении. Эта форма мышления ориентирована на новую реальность, которой выступает экономика, с ее законами спроса и предложения, дефицита, инфляции и др., а ее объектом становятся не подданные государства, а население. Правительственность появляется тогда, когда искусство управления государством становится особой деятельностью, предполагающей ориентацию на различные формы знания, охватывающие знание об обществе и человеке. Правительственность, как определенная модель управления, в отличие от деятельности государя Макиавелли, озабочена здоровьем, благоденствием, процветанием и счастьем населения. Дабы управлять надлежащим образом, чтобы обеспечить счастье и благосостояние населению, следует

управлять при помощи использования определенных познаний, которые предоставляет экономика. Правительственность отличается от других форм власти: суверенитета и дисциплины. Цель суверенной власти — это осуществление государственной власти над подданными государства на данной территории, изъятие налогов, назначение наказаний. Цель дисциплинарной власти состоит в регулировании и упорядочивании поведения множества людей согласно правилам, уставам, распоряжкам и т.п., и ею охвачены различные социальные институты: школы, больницы, тюрьмы, фабрики и др. Правительственность не отменяет дисциплину и суверенитет, а перестраивает их сообразно своей цели.

Риск и опасность

Кратко охарактеризовав специфику понимания природы власти у Лумана и Фуко, попытаемся на основе этого понимания представить их концепцию риска.

Как и в вопросе природы власти, Луман считает, что при исследовании риска необходимо дистанцироваться от индивидуалистически-утилитаристского его понимания. Луман пытается реализовать строго социологический подход, который, по его мнению, заключается в постижении феномена риска лишь соответственно смыслу коммуникаций. «Для этого требуется добавить теорию селективности всех общественных операций, включая и наблюдение этих операций и даже те структуры, которые детерминируют эти операции» [Луман, 2001: с. 3]. О селективности коммуникации уже говорилось выше, когда речь шла о лумановском понятии символически генерализированных средств коммуникации. Наиболее распространенным подходом к изучению риска является подход, связанный с рационалистическим расчетом прибыли и ущерба от принятия того или иного решения. Однако, по мнению Лумана, рациональной постановке проблемы сопутствует слепота. Эта слепота связана с определенным способом наблюдения, поскольку для Лумана любое наблюдение связано с установлением определенных различий. Рациональная постановка проблемы замыкается в противопоставлении риска и определенности.

Согласно Луману, классические концепции рациональности возникают у исследователей в результате наблюдения первого порядка. Здесь мы сталкиваемся со специфическими особенностями Лумановой теоретической системы, и поэтому следует вкратце прояснить, что он понимает под двумя уровнями наблюдения.

Наблюдатель первого порядка не способен видеть собственные условия наблюдения, они для него остаются слепым пятном. В качестве этого слепого пятна могут выступать цели или ценности, которые безоговорочно разделяет наблюдатель и которые им непосредственно не осознаются. Наблюдатель первого порядка исходит из допущения, что существуют риски (или опасности) и что их можно соответствующим образом исследовать, причем предполагается, что такое исследование является объективным, и поэтому он полагает, что точкой зрения других наблюдателей в такой ситуации можно пренебречь.

Наблюдение второго порядка позволяет выявить это слепое пятно и дает возможность сформулировать другую дихотомию, которая вносит социальное измерение в проблему риска и уходит от рационалистического расчета возможного ущерба. Наблюдение второго порядка обладает способностью с помощью «двойного взгляда» охватить то, что видят наблюдатели первого порядка, и то,

чего они не видят. На уровне второго порядка, при наблюдении наблюдения, образование понятий требует особой тщательности. Наблюдатель должен использовать различие, ибо иначе он не сможет обозначить то, что наблюдает. Обозначения возможны только на основании различения обозначенного, а различия служат тому, чтобы обозначить одну или другую сторону различения. Осуществление различения предполагает наличие формы, которая разделяет две стороны различения, и последующие операции могут происходить с той или другой стороны формы. Форма руководит наблюдателем, когда он обозначает некое наблюдение как риск, она же служит некоей границей, разрезом, разделяющим две стороны, поэтому важно указывать, какая сторона является исходной при совершении следующей операции.

Луман выделяет два вида различений:

1. Один вид различения осуществляется в процессе восприятия объектов внешнего мира. Это выделение объекта в качестве объекта возможно при наличии его отличия от окружающего мира. Различие является главным принципом, позволяющим проявиться объекту. При наблюдении объектов обозначение и различение совпадают.
2. Иной способ различения, связан с различием понятий. Например, женщины/мужчины, правое/неправое, горячий/холодный, добродетель/грех, хвала/порицание. Здесь различение и обозначение не совпадают, поскольку различив мужчин и женщин, предметом наблюдения мы можем сделать только одну сторону различения, соответствующим образом ее обозначив.

В понятии риска сходится множество различений. Речь идет не просто об описании мира неким наблюдателем первого порядка, который видит нечто негативное или нечто позитивное. Речь идет о феномене, который разным наблюдателям открывает разные перспективы. Луман в риске видит феномен множественной контингенции, который разным наблюдателям открывает разные перспективы. Множественная контингенция означает неопределенность появления ущерба. В будущем дело может дойти до ущерба или не дойти. При этом мыслимы разные перспективы наблюдения с самыми разными мнениями наблюдателей относительно того, следует ли принимать решение, смириться с риском или нет. Здесь следует остановиться на том, что понимает Луман под многоступенчатым устройством контингенции.

Многоступенчатое устройство контингенции

«Решение перекрывает собственное различие «раньше» и «позже». Если можно так выразиться, решение является до решения иным, нежели после него. До принятия решения имеются альтернативы, явно следующие из повседневных ожиданий. Пока не ясно, какие из них будут выбраны. Любой выбор может быть иным. Можно искать основания тому или иному выбору, выдвигать решения в зависимости от обстоятельств. Должен ли посетитель ресторана вернуть тарелку супа, потому что тот пересолен...? После принятия решения выбор ясен — посетитель выразил недовольство и должен мириться с последствиями. То, что имело место решение, сейчас видно по тому, что сделанный выбор рассматривается как контингентный и присоединяющиеся действия мотивированы

данной контингентностью (а не только фактичностью состояния, достигнутого тем самым). (...) Следовательно, до принятия решения есть различие альтернатив, после него — дополнительно еще и отношение к данному отношению, а именно отношение избранной альтернативы к данному различию альтернатив. Обе формы контингентности приходят к единству: открытая контингентность и возможность-быть-также-иным для принятого решения. Решение переводит контингентность из одной формы в другую; и то, что оно может это делать, гарантируется благодаря тому, что контингентность конституируется параллельно ожиданиям, структурирующим ситуацию. С необходимостью амбивалентна и семантика «решения». (...)

Эта сложная внутренняя структура решения как преобразования контингентности проясняет, что различие альтернатив может меняться во время и после принятия решения. Решение может отказаться от прежних ожиданий и привлечь новые, чтобы удержать свою контингентность» [Луман, 2007: сс. 389–390].

В этом большом отрывке текста мы видим Луманов анализ исследования природы риска через связь понятий решения, контингентности и ожидания. Событие и ущерб связываются как два временных состояния контингенции, то есть событие может не произойти и ущерб может не возникнуть. Временные контингенции провоцируют социальные контингенции, что означает, что при оценке события невозможно добиться единой точки зрения.

Здесь, считает Луман, в наблюдении второго порядка открывается новое понимание риска и появляется различие риска и опасности. Для одного наблюдателя ущерб выступает как риск, а для другого — как опасность, чего на самом деле нельзя увидеть, находясь в границах наблюдения первого порядка.

Проблема риска и связывание времени

То, что вопросы риска соотносятся с проблемой времени, видно невооруженным глазом. Однако эта очевидность не всегда становится предметом специального рассмотрения.

Всякий поступок предполагает определенные цели, направлен в будущее и является своеобразным способом связывания времени; иными словами, настоящее, реально присутствующее в мотиве поступка, связывается с ожидаемым результатом от поступка в будущем. Как правило, он основывается на нормативных регулятивах (право) и регулятивах ограниченных ресурсов (экономика).

Нормативные регулятивы определяют жизнедеятельность общества. Они управляют на основе дисциплины и наказаний, то есть в своем поведении субъект должен исходить из существующих нормативных правил. Иначе говоря, если ты не будешь придерживаться определенных правил, то в будущем можешь причинить себе ущерб. Если не будешь придерживаться правил дорожного движения, то в будущем можешь попасть в аварию или быть оштрафован полицией. Нормативные установки определенным образом контролируют будущее, поскольку запрещают поведение, которое наносит ущерб.

Другим регулятивом является ограниченность ресурсов. Например, индивид откладывает запасы и делает сбережения на будущее, тем самым ограничивая свое потребление. Это можно резюмировать в простой жизненной максиме: «Если ты съешь все сегодня, то завтра тебе будет нечего есть». Почему у Лумана

противопоставляются риск и опасность? В широком смысле эти понятия синонимичны. Противопоставление риска и опасности предполагает его социальное измерение, и риск приписывается индивидуальному субъекту, а опасность коллективному. На уровне предметного измерения и риск, и опасность совпадают. Например, возможность разрушения дома во время землетрясения или возможность попасть в автомобильную аварию либо заболеть — явления в этом смысле однопорядковые, и необходимость различия возникает лишь в результате сопоставления временного и социального измерения.

Проблема риска/опасности не может быть проанализирована ни с помощью понятий нормы, ни с помощью понятий ограниченности ресурсов. Сами понятия возникают в результате анализа индивидуальной деятельности, это индивид ориентируется на отдельные нормы, и понятия виновности (умысел, вина) основаны на индивидуальном подходе, с их помощью нельзя охватить важные аспекты нынешней ситуации. Также и ресурсное регулирование строится на основе анализа индивидуальной деятельности, когда «экономические расчеты выходят за пределы своих возможностей».

Будущее настоящего и настоящее будущего — темпоральная структура риска

В основе различия риска и опасности лежит процесс атрибуции, который создается посредством различия настоящего и будущего. Широкое распространение новых технологий значительно расширяет пространство риска, риском охвачена вся повседневная жизнь людей. Стремительно нарастает различие между прошлым и будущим, происходит изменение темпоральных структур, временная схема «стабильность/изменение» вытесняется схемой «прошлое/будущее». Ожидания уже не могут опираться на прошлый опыт, поскольку происходит беспрецедентное ускорение общественного развития, и в том, что сегодня рассматривается как прошлое или будущее, нужно научиться распознавать другое настоящее с его прошлым или будущим, полагает Н. Луман.

«С точки зрения времени риск есть один из аспектов различия будущего настоящего (künftigen Gegenwart) и настоящего будущего (gegenwartigen Zukunft). Приходится удваивать перспективу возникновения ущерба от риска или опасности. В будущем настоящем ущерб может возникнуть или нет. Однако то, что в нынешнем настоящем этого невозможно знать и приходится записывать его на счет нынешнего будущего в качестве неопределенности, уже во многом является нынешним ущербом. Люди обеспокоены, ...несут расходы, которые могут оказаться излишними. Независимо от того, возникнет ли ущерб в будущем настоящем или нет, он уже в любом случае нанес ущерб в настоящем» [Луман, 2001: с. 29]. Различение Луманом будущего настоящего и настоящего будущего позволяет более точно смоделировать темпоральную структуру риска, и оказывается, что ущерб от риска возможен не только в будущем, но и в настоящем, поскольку само настоящее может восприниматься с точки зрения риска.

Для современного функционально дифференцированного общества проблему риска и связанную с ней новую форму связывания времени нельзя решить, используя понятия нормы и ограниченных ресурсов. Традиционно время переживалось не в схеме «прошедшее/будущее», но в схеме «прежде/после».

Это привело к появлению понятия движения (как единства «прежде/после»), а затем, когда мышление вышло на более высокую ступень, — к различению подвижного/неподвижного, прочного/текучего, постоянства/изменения и т.д., время выступило в качестве репрезентации вечного в пронизанном движением мире. Позиция наблюдения является позицией неподвижного, и такое понимание времени устаревает, на смену различию «прежде/после» приходит различие «прошедшее/будущее», движение теряет свою фундаментальную роль, и нет никакого движения из прошедшего через настоящее в будущее. Действительно, современное украинское общество отнюдь не воспринимает себя как результат некоторого непрерывного движения от прошлого через настоящее к будущему, и прошлое скорее осмысливается как такое состояние, которое следует то ли преодолеть, то ли забыть.

Настоящее приобретает парадоксальную форму, которую Луман называет парадоксом времени, оно представляет собой некое включенное во время исключенное третье, ни будущее, ни прошлое, но одновременно и то, и другое. «Давление времени накладывает на давление действия, — пишет он. — Нет времени ждать теоретического прояснения. Старое правило «Сначала думай, затем действуй» утратило силу вместе с традиционной мудростью» [Луман, 2001: с. 29].

Рациональное/иррациональное и проблема риска

Традиционно исследование рисков происходит в контексте изучения рационального или иррационального поведения. Однако следует согласиться с Луманом, что за всяким рискованным поведением, которое отвечает стандартам рационального или допустимого, можно обнаружить наблюдателей, не согласных с этой оценкой. Такое несовпадение оценок покоится на различии риска/опасности. Те, для кого это поведение грозит опасностью, будут судить иначе, чем те, кто принимает решение и участвует в нем. Такой конфликт будет постоянно воспроизводиться, и не существует позиции, которая могла бы разрешить его суперрационально или этически.

Экологические риски

Для Лумана проблема риска — это проблема решения, и она является политической, поскольку она неразрешима ни путем консенсуса, ни положениями этики. Ее можно решать только политически, сами решения, в свою очередь, могут быть рискованными и не иметь достаточного консенсуса. Луман полагает, что общество должно представлять свое будущее не в модусе риска, а в модусе опасности. Однако существуют политические силы, в частности экономисты, экологи, которые заинтересованы в том, чтобы представлять будущее не в качестве опасности, а как результат решения. Глобальные эффекты, которые они пытаются предотвратить, выходят за границы того или иного решения. «Люди думают, что могут говорить об экологически или экономически ложных решениях, тогда как в случае глобальных эффектов проблема состоит в том, что невозможно выявить ни ложных, ни верных решений. (...) Политика нужна для того, чтобы разрешить то, что невозможно разрешить ни посредством верных, ни посредством ложных решений» [Луман, 2001: с. 76].

В соответствии с разрабатываемой концепцией риска Луман стремится выразить свою позицию относительно приобретающего широту экологического движения. В 1986 году он издает книгу «Экологическая коммуникация. Может ли современное общество противостоять экологическим рискам?». Как известно, в 1970-х годах в Германии сложилось мощное экологическое движение, которое добилось существенного политического и общественного влияния, и была основана партия «зеленых».

Ответ на поставленный в монографии вопрос Луман ищет в основных теоретических посылах развиваемой им концепции. Современное общество состоит из изолированных подсистем — политики, экономики, права, науки, религии, воспитания, которые характеризует особый бинарный код, лежащий в основе дифференциации системы. Так, например, экономика работает с кодом «иметь/не иметь», наука работает с кодом «истинный/ложный», современная политическая система с кодом «правительство/оппозиция». Ни одна из этих подсистем не может взять на себя задачу создать универсальный код, с помощью которого можно было бы управлять всеми подсистемами общества.

Конечно, между экономикой и политикой, между искусством и религией, между наукой и правом существуют различные взаимоотношения. Например, политика может запретить тому или иному художнику выставлять свои работы в галереях, однако код политики остается внешним для искусства, он не может быть трансформирован в код искусства, поскольку посредством этого кода не может быть создано ни одного произведения искусства.

Социальные системы организованы иначе, они представляют собой аутопойетические системы, которые функционируют согласно собственной логике, для них другие системы выступают в качестве внешнего мира, на который они реагируют согласно собственной системной логике. Внешний мир может вызвать в системе раздражение, на которое она отвечает действием. Однако одна система не может управлять другой системой.

В современных, высококодифференцированных обществах нет такого места, из которого наблюдатель или наблюдатели могли бы обозревать все общество в целом, хотя только такое универсальное место могло бы дать наблюдателю возможность предостерегать общество об опасностях или указывать пути их избегания. Именно поэтому на вопрос, поставленный в заголовок своей книги, Луман отвечает отрицательно.

Луман признает, что властью принимаются какие-то меры по защите окружающей среды, устанавливаются определенные нормы выбросов, закрываются атомные электростанции и т. д. Однако это не означает, что на политическую систему можно повлиять извне, что ею можно управлять, добиваясь принятия действительно «эффективных» мер. Самое большее, что можно сделать — это вызвать раздражение политической системы, однако реагировать на внешний раздражитель она будет в соответствии со своим бинарным кодом.

Риск власти — недостаточность власти

В случае власти люди боятся злоупотребления со стороны властителя. Риск власти прежде всего связывают с авторитарным правлением, тиранией и представляют ее в образе тирана, самовольно распоряжающегося своей властью.

Проблема риска зависит от властных структур и должна решаться в каждом случае конкретно. Понятие риска приходит на смену старому концепту злоупотребления властью. Луман считает, что старые представления о «структурном насилии», «господствующих классах» не отражают реальность. С его точки зрения, то, что прежде всегда представало как угроза «чрезмерной власти», в новое время распознается также и как опасность недостаточной власти. Отсюда вытекает риск нового рода, а именно риск потери функциональности, явной неэффективности и распада власти, который, обнаруживая себя, лишь возрастает. Показательным примером отсутствия эффективности управленческих решений может послужить случай, взятый из политической жизни современной Украины.

В ноябре 2019-го в Одесском заливе потерпел бедствие танкер «Delfi», который ходил под флагом Молдовы, его сорвало с якоря. В ночь на 22 ноября ему удалось закрепить якорем на расстоянии одной мили от берега в районе одесского пляжа «Дельфин». Владелец судна должен был до 31 марта 2020 года принять меры для подъема и удаления затонувшего танкера из акватории морского порта. 1 апреля генпрокуратура взяла это дело под свой контроль. 22 июня прокуратура Одесской области начала уголовное производство по факту неприятия мер по ликвидации последствий экологического загрязнения акватории в месте аварийного нахождения судна «Delfi».

4 июня во время рабочей поездки в Одесскую область Президент В. Зеленский ознакомился с состоянием дел с ликвидацией последствий аварии танкера виновности. Глава государства подчеркнул, что работы по ликвидации аварии надо было начать еще в ноябре 2019 года, однако судовладелец показал свою безответственность и фактически забыл о танкере. Президент призвал выполнить работы до 20 июля. Однако до 20 июля ничего не было сделано, а 21 июля Администрация морских портов Украины (АМПУ) потребовала от судовладельца танкера передать ей право эвакуировать аварийный танкер.

10 августа Президент поинтересовался ходом работ по подъему танкера и потребовал немедленно решить вопрос ликвидации последствий аварии судна. АМПУ объявила конкурс на подъем затонувшего танкера «Delfi». 27 июня процесс ликвидации танкера перешел к государству, а экспертная комиссия ГСЧС Украины окончательно признала ситуацию как чрезвычайную местного уровня. После кораблекрушения содержание нефтепродуктов в данной акватории стало больше нормы в 157 раз, образовалось пятно из нефтепродуктов размером 7,5 тыс. квадратных метров.

26 августа танкер сумели поднять из лежащего положения, и только к середине октября 2020 года удалось справиться с произошедшей катастрофой.

На данном примере мы видим, что по мере общественного развития растет потребность в решениях, и этот рост не способны перекрыть никакие достижения в области принятия и трансляции решений; их бремя не может быть возложено на одну-единственную инстанцию, которая могла бы обеспечить управление из единого центра, то есть организация решений и цепная трансляция власти становятся проблемой.

Ценная трансляция власти и ее риски

Цепная трансляция власти предполагает такой порядок власти, который связывает более двух партнеров в том смысле, что *A* имеет власть над *B*, *B* властвует над *C*, который, в свою очередь, распоряжается властью в отношении *D*, и так далее, покуда цепь не закончится на одном из партнеров, который уже не имеет никакой власти. Однако одной лишь каузальной связи между источниками власти становится недостаточно. Поэтому о сцеплениях действий можно говорить лишь в том случае, если *A* способен не только предписывать действия *B*, но и определять способы исполнения своей власти, то есть в том случае, если *A* способен распорядиться и той властью, которую *B* применяет по отношению к *C*. «Иначе говоря, в ситуации, когда король что-то приказывает генералу, генерал дает какие-то указания своей жене, которая повелевает нечто исполнить своему посыльному, который, в свою очередь, в силу своего положения тиранит соседей, никакого сцепления властных действий еще не образуется. Оно возникает тогда и только тогда, когда властитель способен контролировать любое звено властной цепи» [Луман, 2001: с. 64].

Однако своеобразие процессов власти, протекающих в форме цепи, может привести к возникновению обратного потока властных полномочий, когда власть системы начинает превосходить возможный селективный потенциал отдельного властителя и отдельные элементы в цепи власти могут приобрести самостоятельный характер. Так возникает власть подчиненного над своим начальником, начальника — над министром, министра — над его партийной фракцией.

Образование обратно направленной власти во властных цепях может выступать в качестве одного из условий, порождающих риски в структуре власти. Такая обратно направленная власть во властных отношениях ставит под сомнение утверждение некоторых теоретиков, что власть — это нарушенная коммуникация, где под нарушенной коммуникацией понимается отсутствие обратной связи между начальником и подчиненным. Классическим примером такой нарушенной связи является идея «паноптикума Бентама».

Надзиратель, находящийся в центре — башне надзора, — благодаря широким окнам внутренних стен камер в состоянии следить за поведением любого из заключенных. Более того, наблюдение осуществляется таким образом, что наблюдаемый не должен и не может знать, когда, кто и по какой причине наблюдает за ним. Здесь как бы осуществляется принцип «нарушенной коммуникации», власть в лице «великого надзирателя» должна видеть, но сама оставаться невидимой.

Возникает вопрос, опровергает ли данный сюжет основной тезис Лумана о власти как коммуникации, является ли власть нарушенной коммуникацией? Власть в данном случае выступает в качестве института по осуществлению санкций. Однако в большинстве случаев к насилию прибегают ввиду недостатка власти, поскольку общим определением власти является понимание ее как инстанции, устанавливающей предпосылки решений для других.

Понимание Луманом власти отличается от типичных представлений, когда власть ассоциируется с физическим насилием, угнетением, манипуляцией и т.п. Прямая ассоциация силы власти и ее опасностей, по Луману, соответствует лишь архаическим обществам. Там власть соединена с личностью властителя, а не его ролью. В дифференцированном обществе власть формируется в симво-

лически генерализированное средство коммуникации (универсальность, безличность, обобщенность смысловых ориентаций).

Растущее расхождение между возможностью и действительностью — новые вызовы власти

Луман полагает, что с ростом процессов дифференциации увеличивается расхождение между возможностью и действительностью. Такое расхождение может означать, что сфера эффективных возможных действий либо сужается, либо растёт. Источник риска состоит в том, что власть не реализует своих собственных возможностей. Для того, чтобы определить спектр возможностей власти, рассмотрим деятельность власти по борьбе с эпидемией сейчас и в новое время. Мы увидим, что при борьбе с эпидемией власть нового времени могла установить карантин и ввести самые элементарные гигиенические нормы, современная же власть обладает неизмеримо большим спектром возможностей, включая больницы, прививки и методы определения уровня заболеваемости в каждом районе.

Риск и рефлексивное управление в парадигме Фуко

Исследователи, продолжающие развивать фукианскую концепцию правительственности, говорят о намечающемся сдвиге в парадигме управления. Если Фуко сделал предметом анализа внедрение правительственности в государство, то к этому процессу присоединился новый не менее важный процесс — внедрение правительственности в управление.

Внедрение правительственности в управление по-новому формулирует темы риска. Для этой методологии риск — это вычислительная рациональность, которая обусловлена анализом определенных форм политических технологий, и эти технологии стремятся управлять рисками, привлекая для этого социальное страхование и ситуативное предупреждение преступлений.

В аналитике управления риск понимается как особая реальность, которая доступна воздействию и вмешательству. Например, старый дом, изношенная машина, эпидемическая ситуация, морское путешествие и прочее могут выступить в качестве объектов, таящих в себе некую опасность: старый дом может обвалиться, изношенная машина попасть в аварию, эпидемия привести к заражению, морское путешествие к кораблекрушению. Всеми этими процессами можно управлять: починить дом, купить новую машину, покинуть место эпидемии и т.п.

Рефлексивное управление означает, что предметом управления становится не народонаселение с его благосостоянием, здоровьем, миграцией, рождаемостью, смертностью, а преобразование деятельности существующих управленческих институтов. Риск выступает как способ репрезентации событий, форма рассуждения, которая позволяет некоторым образом сделать события вычислимыми (Ф. Эвальд).

Для представителей данного направления риск — это не результат решения, на чем настаивает Луман, а форма рассуждения. Например, высказывание «ваш дом может сгореть» — это форма рассуждения, не имеющая отношения к решению и связанному с ним выбору из различных альтернатив. Отсюда следует су-

ждение, что все можно рассматривать как риск и все можно застраховать. В таком суждении производится риск, а страхование делает невычислимое вычислимым.

Однако такое понимание риска нельзя отнести к сфере управленческих решений. Здесь происходит невольное изменение предмета рассуждения. Риск связан с решением, независимо от природы этого решения, будь оно политическое, экономическое или управленческое.

Страховой риск совсем не обязательно связан с каким-то решением. Он на самом деле выступает в качестве техники вычисления риска. Социальное страхование авторы рассматривают как разновидность социального управления со связанным с ним понятием социальной справедливости. Для социального страхования характерно, что индивиды получают права не в качестве индивидов, а как члены разных коллективов, определенных профессией, разных видов занятости или разных возрастных когорт. Страховой риск показывает, что управление изменяет форму идентичности, социальные идентичности начинают принимать форму, несводимую к гражданским, политическим или юридическим идентичностям либерального субъекта.

Управление рисками на новом этапе уходит из-под непосредственной опеки государства. Современный субъект стремится дистанцироваться от других субъектов и государства. Например, используя эпидемические данные, он старается избежать ситуаций, которые могли бы причинить вред его здоровью. Задача власти состоит в том, чтоб не контролировать и управлять деятельностью индивида, а предоставлять ему рынок услуг и экспертизы.

Субъект причисляется к группе, которая наделяется правами и включает партнерство с институтом экспертов. Этим группам дозволяется управление собой и собственной политической мобилизацией. Например, возьмем кондоминиум, представляющий собой юридическое лицо, созданное для представления общих интересов совладельцев. В данном случае государство отстраняется от управления многоквартирным домом посредством ЖЭКов, управление переходит к собранию жильцов, которое решает, кто будет обслуживать дом, каковы будут взносы на его содержание, как тратить средства — ремонтировать, модернизировать, изменять. Соответственно и риски, связанные с его эксплуатацией, берет на себя не государство, а собрание жильцов.

Возникают новые идентичности, в данном случае жилец дома превращается в члена кондоминиума. Правительство оперирует локальными солидарностями разных агрегатов, а не свойствами социально идентифицируемого гражданина, ответственного перед обществом и государством.

Выводы

Проблема риска, связанная с отправлением власти, требует переосмысления традиционных представлений о власти. В переосмыслении нуждаются также ее образы закона и суверенитета, дисциплинарного господства в рамках современных форм управления. Информационная теория власти, разработанная Н. Луманом, и концепция правительственности М. Фуко направлены против идеологии субъекта, где властвующий субъект является одним из эффективных средств и образов власти. И для Фуко, и для Лумана власть имманентна своим собственным проявлениям, она синхронна всяким преобразованиям в макро-структурах общества и находится не вне, а внутри них.

Для Лумана риск власти — это риск решения. Тема риска лежит вовсе не в области предметного измерения, ее надо искать в состоянии темпорального и социального измерения. Однако современное общество должно представлять возможные угрозы не в модусе риска, а в модусе опасности. Проблема заключается в том, что невозможно выявить ни ложные, ни верные решения. Если решение принимается, избежать риска невозможно. Если нет решений, свободных от риска, следует отказаться и от надежды, что умножение исследований и знаний позволит перейти от риска к надежности.

Позиции Лумана, противостоят последователи М. Фуко, которые дополняют концепцию правительственности идеей рефлексивного управления. Рефлексивное управление абстрагируется от проблем решения. Для этого направления риск — это способ представления о мире. Поэтому задача управления заключается в том, чтобы выявить рискованные объекты и соответственно скоординировать задачи управления, а также определить меры по упразднению или уменьшению риска.

Индустриальное общество пыталось обезопасить себя посредством некоего социального договора против порождаемых данным обществом опасностей и ущерба. Было создана система частного и общественного страхования.

Современное общество подвергает сомнению принцип страхования, поскольку оно не способно застраховать себя от мегаопасностей ядерной энергетики или катастрофического изменения климата. Рушатся четыре опоры «вычислимых рисков»: компенсация, ограничение, безопасность и вычисление. Риск перестал быть вычислимым, и его невычислимость характеризует современное состояние общества.

Источники

- Донзло, Ж., Гордон, К. (2008). Управление либеральными обществами. *Логос*, 2, 65.
 Каплун, В. (2019). Перестать мыслить «власть» через «государство». *Логос*, 2, 29.
 Луман, Н. (2001). *Власть*. Москва: Практис.
 Луман, Н. (2007). *Социальные системы*. Санкт-Петербург: Наука.
 Фуко, М. (2006). Субъект и власть. В: М. Фуко, *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления, интервью*. Москва: Практис.
 Dean, M. (1999). *Governmentality: Power and Rule in Modern Society*. London: Sage.
The Foucault Effect Studies in Governmentality (1991). Chicago: University of Chicago Press.

Получено 05.11.2021

References

- Dean, M. (1999). *Governmentality: Power and Rule in Modern Society*. London: Sage.
 Donzelot, J., Gordon, C. (2008). Governing Liberal Societies. [In Russian]. *Logos*, 2, 65. [=Донзло, Гордон 2008]
 Foucault, M. (2006). Subject and power. [In Russian]. In: M. Foucault, *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, Interviews*. Moscow: Praxis. [=Фуко 2006]
 Kaploun, V. (2019). Stop Thinking «Power» through «State». [In Russian]. *Logos*, 2, 29. [=Каплун 2019]
 Luhmann, N. (2001). *Power*. [In Russian]. Moscow: Praxis. [=Луман 2001]
 Luhmann, N. (2007). *Social systems*. [In Russian]. St. Petersburg: Nauka. [=Луман 2007]
The Foucault Effect Studies in Governmentality (1991). Chicago: University of Chicago Press.

Received 05.11.2021

ВИКТОР БУРЛАЧУК

Влада як джерело ризику

Проблема ризику, пов'язана з відправленням влади, потребує переосмислення традиційних уявлень про владу. Переосмислення потребують її образи закону та суверенітету, дисциплінарного панування в рамках сучасних форм управління. Інформаційна теорія влади, розроблена М. Луманом, та концепція урядовості М. Фуко спрямовані проти ідеології суб'єкта, де суб'єкт владарювання є одним з ефективних засобів та образів влади. Як для Фуко, так і для Лумана влада імманентна своїм власним проявам, вона синхронна будь-яким перетворенням у макроструктурах суспільства і перебуває не за межами, а всередині них.

Для Лумана ризик влади — це ризик вирішення. Тема ризику лежить зовсім не у сфері предметного виміру, її треба шукати у стані темпорального та соціального виміру. Проте сучасне суспільство має уявляти можливі загрози не у модусі ризику, а у модусі небезпеки. Проблема полягає в тому, що неможливо виявити ані хибні, ані слушні рішення. Якщо рішення ухвалено, ризику уникнути не можна. Якщо немає рішень, вільних від ризику, збільшення досліджень і знань не надає можливості перейти від ризику до надійності.

Позиції Лумана протистоять послідовники М. Фуко, які доповнюють концепцію урядовості ідеєю рефлексійного управління. Рефлексійне управління абстрагується від проблем вирішення. Для цього напряду ризик — це спосіб уявлення про світ. Тому завдання управління полягає в тому, щоб виявити ризиковані об'єкти та відповідно скоординувати завдання управління та визначити заходи щодо скасування або зменшення ризику.

Індустріальне суспільство намагалося забезпечити себе за допомогою якогось соціального договору проти небезпек і шкоди, породжуваних таким суспільством. Було створено систему приватного та соціального страхування.

Сучасне суспільство ставить під сумнів принцип страхування, оскільки воно не здатне застрахувати себе від меганебезпек ядерної енергетики або катастрофічної зміни клімату. Руйнуються чотири підпори «обчислюваних ризиків»: компенсація, обмеження, безпека та обчислення.

Ризик перестав бути обчислюваним. Його необчислюваність характеризує сучасний стан суспільства.

Ключові слова: ризик, влада, урядовість, управління, Луман, Фуко

ВИКТОР БУРЛАЧУК

Власть как источник риска

Проблема риска, связанная с отправлением власти, требует переосмысления традиционных представлений о власти. В переосмыслении нуждаются ее образы закона и суверенитета, дисциплинарного господства в рамках современных форм управления. Информационная теория власти, разработанная Н. Луманом, и концепция правительственности М. Фуко направлены против идеологии субъекта, где властвующий субъект является одним из эффективных средств и образов власти. Как для Фуко, так и для Лумана власть имманентна своим собственным проявлениям, она синхронна всяким преобразованиям в макроструктурах общества и находится не вне, а внутри них.

Для Лумана риск власти — это риск решения. Тема риска лежит совсем не в области предметного измерения, ее надо искать в состоянии временного и социального измерения. Однако современное общество должно представлять возможные угрозы не в модусе риска, а в модусе опасности. Проблема заключается в том, что невозможно выявить ни ложных, ни верных решений. Если решение принимается, риска избежать нельзя. Если нет решений, свободных от риска, умножение исследований и знаний не позволит перейти от риска к надежности.

Позиции Лумана противостоят последователи М. Фуко, которые дополняют концепцию правительственности идеей рефлексивного управления. Рефлексивное управление абстрагируется от проблем решения. Для этого направления риск — это способ представления о мире. Поэтому задача управления заключается в том, чтобы выявить рискованные объекты и со-

ответственно скоординировать задачи управления и определить меры по упразднению или уменьшению риска.

Индустриальное общество пыталось обезопасить себя посредством некоего социального договора против порождаемых данным обществом опасностей и ущерба. Была создана система частного и общественного страхования.

Современное общество подвергает сомнению принцип страхования, поскольку оно не способно застраховать себя от мегаопасностей ядерной энергетики или катастрофического изменения климата. Рушатся четыре опоры «вычислимых рисков»: компенсация, ограничение, безопасность и вычисление.

Риск перестал быть вычислимым. Его невычислимость характеризует современное состояние общества.

Ключевые слова: риск, власть, правительственность, управление, Луман, Фуко

VICTOR BURLACHUK

Power as a Source of Risk

The problem of risk connected with the power administration requires a rethinking of traditional ideas about power. Its images of law and sovereignty, disciplinary domination within the framework of modern forms of government need to be rethought. The information theory of power developed by N. Luhmann and the concept of governmentality of M. Foucault are directed against the ideology of the subject, where the ruling subject is one of the effective means and images of power. For both Foucault and Luhmann, power is immanent in its own manifestations, it is synchronous with all transformations in the macrostructures of society and is not outside, but inside.

For Luhmann, the risk of power is the risk of a decision. The topic of risk is not at all in the domain of the subject dimension; it must be sought in the state of the temporal and social dimension. However, modern society should present possible threats not in the risk mode, but in the danger mode. The problem is that it is impossible to identify false or correct decisions. Once the decision is made, the risk cannot be avoided. If there are no risk-free solutions, the multiplication of research and knowledge would not make it possible to move from risk to reliability.

Luhmann's position is opposed by the followers of M. Foucault, who supplement the concept of government with the idea of reflexive control. Reflexive control abstracts from solution problems. For this direction, risk is a way of thinking about the world. Therefore, the task of management is to identify risky objects and accordingly coordinate management tasks and determine measures to eliminate or reduce the risk. The industrial society tried to protect itself by means of some kind of social contract against the dangers and damage generated by this society. A system of private and public insurance was established.

Modern society questions the principle of insurance because it is unable to insure itself against the mega-hazards of nuclear energy or catastrophic climate change. The four pillars of «computable risks» are crumbling: compensation, constraint, security and computation.

The risk has ceased to be calculable. Its incalculability characterizes the current state of society.

Keywords: risk, power, governmentality, governance, Luhmann, Foucault